
РАЗВОД
С ГЕНЕРАЛОМ
Я БЫЛА ТВОИМ АЛИБИ
ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Виолетта Весна

Развод с генералом. Я была твоим алиби

«Автор»
2026

Весна В.

Развод с генералом. Я была твоим алиби / В. Весна — «Автор», 2026

— Если Илья спросит, Вера была у тебя с пяти. Только что ушла.Павел даже куртку не снял. Сказал это так, словно просил поставить чайник. За двадцать три года брака я привыкла помогать мужу. Только на этот раз генерал Воронцов просил не о помощи — об алиби для любовницы.Вера — моя подруга. Ее муж Илья вместе с нами растил детей, встречал праздники и делил на четверых старую дачу. Полгода назад он уже спрашивал меня, ночевала ли Вера у нас.Я сказала: «Да».Тогда Павел клялся, что измена закончилась. Я очень хотела верить. Так сильно, что согласилась солгать человеку, который доверял мне много лет.Теперь муж не клянется. Только смотрит на часы: Илья скоро приедет.Я набираю номер первой.Мне сорок пять. Я знаю, каково терять мужа. Но еще не знаю, что однажды буду ждать встречи с Ильей — человеком, которому сама дала все основания мне не верить.

© Весна В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Только подтверди 5
Глава 2. Одно место у окна 13
Глава 3. До понедельника 21
Глава 4. Музыка еще играла 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Виолетта Весна
Развод с генералом. Я была твоим алиби

Глава 1. Только подтверди

— Если Илья спросит, Вера была у тебя с пяти. Только что ушла.

Павел сказал это, заглянув на кухню. Куртку он еще не снял, держал телефон у бедра, прикрыв экран ладонью. Я сидела за столом перед ноутбуком и проверяла подписи к рисункам: до отправки перевода оставалось шесть страниц. На соседнем стуле лежала папка с дачными бумагами, которую я приготовила для Ильи еще утром.

Я подняла голову. Муж посмотрел на кастрюлю, потом на меня, словно ждал обычного вопроса: будет ли он ужинать.

— Что?

— Вера сказала, что у тебя. Он собирается заехать за документами и ее забрать. Скажешь, что уже ушла.

В прихожей, когда Павел только вошел, у него зазвонил телефон. Я слышала короткое: «Погоди. Не надо ему ничего писать, сейчас». Решила, что опять кто-то из бывших сослуживцев. С тех пор как генерал-майор Воронцов вышел в отставку, они звонили едва ли не чаще, чем прежде. Иногда мне казалось, что муж проводит в разговорах больше времени, чем на службе.

— Она тебе сейчас звонила?

Он кивнул и наконец убрал телефон в карман.

— Неудачно получилось. Илья еще в колледже, но скоро поедет. Я сказал ей, что предупрежу тебя.

Я посмотрела на часы в углу экрана. Семь минут восьмого. С пяти я успела закончить одну инструкцию, получить от Марины замечания к другой, поставить ужин и поговорить с сыном. Антон рассказывал про свой первый самостоятельный выезд на объект. Я не все поняла, но слушала, пока он не засмеялся и не сказал, что подробности про крепеж мне можно было пропустить.

Веры у меня не было.

— Где она была, Паша?

Он расстегнул молнию на куртке.

— Нин, давай сначала это уладим.

— С тобой?

Павел отвел взгляд к окну. На подоконнике стоял горшок с базиликом, который он принес неделю назад вместе с продуктами. Я тогда обрадовалась этой мелочи больше, чем букету на день рождения: значит, заметил, что старый засох, запомнил, выбрал. Сейчас я зачем-то пересчитала листья на ближайшей ветке. На третьем сбилась.

— Мы виделись, — ответил он.

— Сегодня?

— Да.

— И раньше тоже?

Он снял куртку, перекинул через спинку свободного стула. Я много раз просила его так не делать: рукав попадал под ножку, потом ткань приходилось чистить. На этот раз промолчала.

— Да, — повторил Павел. — Но сейчас не время разбирать все с самого начала. Он может позвонить тебе в любую минуту.

У меня похолодели пальцы. Я сжала их под столом и почувствовала, как ноготь большого пальца уперся в ладонь. В октябре было почти так же: я тоже сидела перед ним, не понимая, куда деть руки. Только тогда он сначала сел рядом, попросил выслушать и долго говорил, прежде чем произнести Верино имя.

Теперь объяснение заняло меньше минуты.

— Ты сказал, что все закончилось.

Павел выдвинул стул. Я увидела, как он собирается сесть напротив, и неожиданно для себя придвинула ноутбук ближе. Между нами осталась крышка с маленькой царапиной возле камеры.

— Тогда закончилось.

— А когда опять началось?

— Какая сейчас разница, Нина?

Я ждала ответа. Муж провел ладонью по волосам, посмотрел на телефон, который успел достать снова.

— Мы потом поговорим. Нормально поговорим. Только не надо вмешивать Илью.

Я откинулась на спинку стула. Хотелось спросить, виделись ли они на прошлой неделе, когда Павел ездил на встречу с товарищем, и в марте, когда задержался до ночи. Хотелось восстановить каждый день, на который у меня было свое объяснение. Я уже почти открыла календарь в телефоне, но остановилась. Он сидел передо мной и ждал, когда я соглашусь сказать, что его любовница два часа пила со мной чай.

Вера знала, какой чай я покупала. Знала, где у меня чашки, какой нож режет помидоры и почему я не выбрасываю старое полотенце с вышитой клубникой. Его подарила ее мать, когда мы с Павлом обустраивались после очередного переезда. Вера тогда целый день помогала мне отмывать кухню, а вечером мы ели картошку прямо из сковороды, потому что коробку с тарелками так и не нашли.

— Она сама назвала меня? — спросила я.

— Да.

— И даже не позвонила?

— Она позвонила мне. Я же дома.

Павел сказал это так уверенно, словно больше объяснять было нечего. Я некоторое время смотрела на него молча.

— Ты понимаешь, о чем просишь?

— Понимаю. Мне это тоже неприятно.

Он потянулся к моей руке, но она все еще была под столом. Его ладонь осталась лежать возле ноутбука. Широкая, знакомая, с коротким шрамом у основания указательного пальца. Когда Антон был маленький, мы строили ему полку для машинок, и у Павла сорвалась отвертка. Я тогда долго смеялась над тем, как выразительно он молчал, пока сын стоял рядом.

Я знала эту руку двадцать три года. И сейчас ждала, что он уберет ее, потому что прикосновения я бы не выдержала.

— Я тебя очень прошу, — сказал он. — Просто подтверди. Как в прошлый раз.

В прошлый раз он обещал, что другого не будет.

Двадцать первого октября Павел пришел вечером, подождал, пока я закончу разговаривать с Антоном, и попросил сесть. Он был серьезен, даже осторожен. Первой мыслью оказалось, что у него что-то со здоровьем.

— Только сначала послушай, — сказал он. — Я сам хочу тебе рассказать.

Он рассказал, что у него была связь. Что он запутался. Что все уже прекратил и не собирается терять семью из-за собственной глупости. Я смотрела на него и никак не могла соединить эти слова с тем, что утром мы вместе выбирали новые шторы в гостиную.

Когда он назвал Веру, я переспросила.

У меня не было другой знакомой Веры, с которой он мог бы встречаться. И все же я переспросила, словно он имел в виду женщину, о которой я никогда не слышала.

Он снова произнес ее имя.

Потом выяснилось, зачем муж выбрал именно этот вечер для признания.

В субботу, восемнадцатого, он сказал мне, что останется у приятеля за городом. Вера сказала Илье, что ночует у меня. Сам Илья уехал на несколько дней с коллегами из колледжа. По словам Павла, теперь он вернулся, что-то в ее рассказе ему не понравилось, и он собирался спросить меня.

— Мне нужно, чтобы ты подтвердила, — сказал Павел. — Что она была здесь. Только ту ночь.

Я посмотрела на Павла.

— Ты сейчас серьезно?

— Нин, я уже все закончил.

— Так скажи ему.

— И что будет? Ты представь, что будет со всеми нами.

Я представила. Как Антон узнает. Как Илья смотрит на жену, как мы больше не можем приехать на дачу, где все выбирали вместе, от яблонь до занавесок. Как знакомые начинают говорить тише, когда я подхожу. Но сильнее всего я испугалась того, что Павел сейчас соберет вещи. Он еще был в комнате, еще говорил со мной, а я уже пыталась угадать, что нужно ответить, чтобы он остался.

— Это все? — спросила я. — Правда все?

— Да.

— Ты больше с ней не будешь встречаться?

— Не буду.

Он подошел, обнял меня. Я стояла, уткнувшись лицом в его плечо, и не могла решить, нужно оттолкнуть его или держаться крепче. В конце концов вцепилась в рукав. Мне было сорок четыре, и я думала о том, что завтра придется встать, работать, отвечать сыну, покупать хлеб. Хотела хотя бы на эту ночь перестать думать.

— Я скажу про субботу, — произнесла я. — Один раз, Паша. Больше не проси. Я этого не выдержу.

Он пообещал.

Через два дня Илья позвонил, когда я выходила из бюро. Спросил, не мешает ли. Я остановилась возле двери, потому что знала, зачем он звонит, а идти и отвечать одновременно у меня бы не получилось.

— Нина, Вера у тебя в субботу ночевала?

Мне хватило бы одного слова. Я могла произнести его, стоя на мокрых ступеньках, с сумкой на плече, среди людей, которые спешили домой. Вместо этого сказала:

— Да. Утром ушла.

— Понятно, — ответил он после короткой паузы. — Спасибо.

На том разговор закончился. Я осталась у двери. Коллега придержала ее, решив, что я хочу вернуться, и пришлось отойти в сторону.

Следующие недели Павел приходил домой вовремя. Сам предложил съездить вдвоем на несколько дней, хотя раньше на каждую мою попытку куда-нибудь выбраться находилось срочное дело. Мы так и не поехали: у меня был большой заказ, потом он простудился. Но само предложение я берегла. Вспоминала его, когда начинала сомневаться, и говорила себе, что он старается.

Я не спрашивала Веру, зачем она это сделала. Не хотела слышать подробности, которые останутся со мной, когда я попробую уснуть рядом с мужем. В общей компании мы говорили о самом необходимом. Однажды она предложила передать мне домашнее варенье, и я отказалась

так резко, что потом весь вечер чувствовала себя виноватой перед людьми, которые ничего не знали.

В марте мне исполнилось сорок пять. Павел заказал столик, подарил серьги, снял меня на телефон у входа в ресторан. Фотография получилась хорошей. Я отправила ее Антону и поставила себе в профиль. На ней невозможно было заметить, как внимательно я прислушивалась к телефону мужа каждый раз, когда тот лежал рядом.

— Нина.

Я посмотрела на Павла. Он встал, прошел к раковине и налил себе воды. Выпил почти весь стакан сразу. На плите тихо стукнула крышка кастрюли, и я поднялась выключить нагрев. Обычное движение помогло: пальцы снова слушались, я могла стоять и дышать, не прижимая локти к телу.

— Я не буду ему врать, — сказала я.

Муж поставил стакан.

— Хорошо. Я сейчас скажу Вере, чтобы она сама объяснила, что планы изменились.

— Какие планы? Она уже сказала, что сидит у меня два часа.

— Нин, мы разберемся.

Он говорил «мы», глядя на меня. Я не знала, кого именно он сейчас имел в виду.

— Ты объяснишь Илье? — спросила я.

— Мне надо сначала с ней поговорить.

— О чем?

— О том, что говорить. Не делай вид, будто не понимаешь.

Я понимала. Даже слишком хорошо. Мне самой уже пришло в голову, что можно сказать: Вера собиралась приехать, но задержалась. Потом вспомнить, что я выходила в магазин и могла ее не услышать. Все эти удобные мелочи возникали без усилий; я успевала подобрать их раньше, чем отказаться.

На столе лежал мой телефон. Я взяла его и открыла контакты.

— Кому ты собралась звонить?

— Илье.

Павел шагнул ко мне, остановился возле стула.

— Положи телефон. Давай хотя бы договорим.

Я нашла нужное имя, но еще не нажала на вызов. Муж это заметил и заговорил тише:

— Я виноват перед тобой. Да. Но зачем ты сейчас ему все вывалишь? Чтобы мне стало хуже?

Я не могла честно сказать, что совсем этого не хочу. Хотела, чтобы он наконец растерялся, как я тогда в октябре.

— Он спросит, почему ты молчала, — сказал Павел.

— Спросит.

— И что ты ответишь?

Я посмотрела на его лицо. Он ждал, что этот вопрос меня остановит. И почти угадал: стыд перед Ильей оказался таким сильным, что я опустила телефон. Придется смотреть на него. Сказать, что тогда, на ступеньках бюро, я все знала. Услышать, что он обо мне думает.

Павел выдохнул и протянул руку.

Я подняла телефон к уху.

Илья ответил после третьего гудка.

— Нина, привет. Я как раз к вам собирался. Папку можно сегодня забрать?

— Можно. Ты еще не выехал?

— Сейчас выйду. Минут через двадцать буду. А что?

— Давай у сквера возле библиотеки. Я принесу.

— Зачем тебе идти? Я подъеду к дому.

Павел стоял в двух шагах от меня. Я отвернулась, хотя от этого он не перестал слышать.

— Мне нужно с тобой поговорить. Без Паши.

В трубке что-то зашуршало.

— У вас случилось что-нибудь?

— Да. Пожалуйста, приезжай к библиотеке.

Он помолчал, потом сказал:

— Хорошо. Там со стороны сквера есть парковка. Буду через двадцать минут.

Я закончила разговор и взяла папку со стула. Под ней лежал мой шарф, приготовленный на утро. Я подняла его тоже, прижала к груди вместе с бумагами и прошла в прихожую.

— Нин, посмотри на меня.

Я остановилась у вешалки. Павел стоял в носках, без куртки, с закатанными рукавами рубашки. Так он обычно выходил проводить меня, когда я бежала за чем-нибудь в магазин. Спрашивал, есть ли деньги, просил купить яблоки. Мне захотелось, чтобы он сейчас спросил про яблоки. Хотя бы на несколько секунд вернул меня в обычный вечер.

— Ты сейчас уйдешь, — сказал он, — а потом мы уже ничего не сможем исправить.

Я надела пальто. Павел ждал, не отходя от вешалки.

— Я недолго, — ответила я по привычке и сразу почувствовала, как нелепо это прозвучало.

Ключи я нашла в кармане сумки. Дверь закрылась за мной раньше, чем он успел сказать что-нибудь еще.

Во дворе пахло мокрой землей. Днем прошел дождь, и у края дорожки стояла вода; я обошла лужу тем же привычным движением, каким обходила ее каждую весну. У соседнего подъезда мужчина держал пакет, пока его жена искала ключи. Она что-то выговаривала ему, он отвечал вполголоса. Я прошла мимо и вдруг позавидовала тому, как просто они могут сердиться друг на друга.

До библиотеки было минут десять пешком. Я выбрала длинную дорожку вдоль домов, чтобы не стоять потом на парковке. Папку прижимала локтем к боку. В ней лежали старый план участка, копии бумаг на дом, записанные мной вопросы риелтору. В феврале мы вчетвером просидели над ними почти весь вечер. Павел предлагал сразу назначить цену повыше, Вера вспоминала, сколько денег ушло на пристройку, а Илья считал, что сначала надо убрать хлам с веранды и починить ступеньки.

Я записывала за всеми. Потом разливала чай.

Можно было начать с сегодняшнего дня. Сказать: Павел признался, что встречается с Верой. Дать Илье разозлиться на них. Потом, когда он спросит, давно ли я знаю, объяснить, что осенью что-то подозревала, но муж убедил меня, будто все прекратилось. Я перебирала слова, пока шла, и ловила себя на том, что выбираю самые неопределенные. «Не сразу поняла». «Надеюсь, ты меня услышишь». «Я сама только сегодня...»

Возле пешеходного перехода я остановилась, хотя горел зеленый. Человек позади обогнул меня с раздраженным вздохом. Я дождалась следующего сигнала и перешла улицу уже вместе с другими людьми.

Илья сказал мне тогда «спасибо». Я все полгода помнила это слово. Оно возникало совершенно некстати: когда я открывала письмо от заказчика или отвечала кассиру, нужен ли пакет. Теперь мне предстояло рассказать человеку, за что он меня поблагодарил.

Его машины на парковке еще не было. Я прошла вдоль ограды сквера, вернулась и достала телефон. Павел не звонил. От этого стало еще хуже: часть меня продолжала ждать, что он остановит происходящее каким-нибудь неизвестным мне способом.

Илья подъехал через несколько минут. Я узнала его серый универсал, подошла к пассажирской двери. Он убрал с сиденья сумку и протянул руку, чтобы помочь мне устроить папку, но я удержала ее на коленях.

— Замерзла? — спросил он. — Я же мог заехать.

В машине было тепло. По радио говорили о ремонте дорог, и Илья убавил звук, не дослушав название улицы. На заднем сиденье лежала пачка тетрадей, перетянутая резинкой. Я замечала их у него и раньше: он мог привезти работу даже на дачу, а потом ворчал, что все выходные потратил на проверку.

— Спасибо, что приехал.

— Нин, ты меня напугала. Что случилось?

Я положила ладони на папку. Сначала одну, потом другую, чтобы он не видел, как я мну край пальто.

— Вера сегодня у меня не была.

Он посмотрел на меня, ожидая продолжения.

— Вообще не была. Ни с пяти, ни позже. Я весь вечер дома работала.

— Она мне написала... — начал Илья и замолчал. — Подожди. Вы с ней поссорились?

— Нет. Я ее сегодня не видела. Паша пришел и попросил сказать тебе, что она была со мной. Он сказал, что они встречались.

— По какому поводу?

Я почувствовала, как лицо стало горячим. Он еще давал мне возможность сказать что-нибудь обычное, понятное: обсуждали дачу, встретились по дороге. За стеклом прошла женщина с маленькой собакой. Собака потянулась к нашему колесу, женщина дернула поводок и торопливо повела ее дальше.

— У них связь, Илья.

Он повернулся ко мне всем корпусом.

— Что ты сказала?

— У Паши с Верой. Они встречаются.

Илья несколько секунд смотрел на меня, затем потянулся к панели и выключил радио совсем. Рука задержалась на кнопке.

— Это он тебе сказал?

— Да. Только что. Я спросила прямо, он ответил.

— Ты уверена, что правильно поняла?

— Уверена.

Мне хотелось рассказать, как Павел стоял на нашей кухне, как спокойно просил меня подтвердить два часа. Я почти начала, но Илья спросил:

— Почему она сказала, что у тебя?

Я опустила глаза на папку. Сквозь прозрачный карман просвечивал старый план дома. Там еще не было пристройки, которую мужчины сделали позже, когда детям стало тесно в одной комнате.

— Потому что один раз я уже подтвердила, — ответила я.

Он не шевельнулся. Я заставила себя поднять голову.

— В октябре. Ты спрашивал, ночевала ли Вера у меня. Я сказала, что да. Ее здесь не было.

— Здесь?

— У меня дома. Я тогда солгала тебе.

У Ильи зазвонил телефон. Он лежал в держателе возле руля, и я увидела имя Веры. Илья посмотрел на экран, нажал кнопку сбоку, заглушая звук. Телефон продолжал светиться. Мы оба ждали, пока погаснет экран, и я не знала, что делать со своими руками.

— Когда ты узнала? — спросил он.

— Осенью.

— До того, как я тебе позвонил?

— Да. За два дня до этого. Паша рассказал.

— Значит, ты знала, где она была.

— Я знала, что она была с ним. Где именно, не знаю.

Он отвернулся к лобовому стеклу. На другой стороне улицы включилась вывеска магазина. Илья смотрел в ту сторону так долго, что я успела заметить, как одна буква загорается позже остальных.

— Восемнадцатого, — произнес он наконец. — Суббота. Я был на выезде с колледжем.

— Да.

— Я тебе звонил в четверг.

— Двадцать третьего.

— Ты даже число помнишь.

Я кивнула. Он не видел: все еще смотрел перед собой.

— Что он тебе рассказал?

— Что это началось летом. Что они провели вместе ту ночь. Сказал, что больше ничего не будет, что он все прекратил. И попросил подтвердить, если ты спросишь.

— А ты согласилась.

— Да.

— Ты сказала: «Утром ушла», — произнес он.

Я помнила собственный голос. Даже удивилась тогда, каким обычным он прозвучал.

— Сказала.

— Я потом с ней разговаривал. Извинялся, что устроил проверку. Она обиделась, что я ей не верю.

Я отвернулась к боковому стеклу и увидела свое отражение поверх темного куста. Шарф сбился под подбородком. Пока я собиралась, ни разу не посмотрела в зеркало.

— Посмотри на меня, Нина.

Я повернулась.

— Все это время ты знала?

— Про то, что было летом и в октябре, знала. Я думала, что они закончили. Сегодня он сказал, что снова встречается с ней. Когда начали опять, он мне не ответил. Я не знаю, был ли вообще перерыв.

Илья убрал телефон из держателя и положил на колено экраном вниз. Мне показалось, что он хочет кому-то позвонить, но передумал. Я ждала. В салоне становилось душно, пальто давило у горла, однако расстегивать его было почему-то стыдно, словно я устраивалась надолго.

— В феврале мы у вас сидели, — сказал он. — Про дом говорили. Ты еще искала квитанции за крышу.

— Помню.

— А я рассказывал, как Вера отпрашиваться не любит. Как будто без нее вся клиника остановится. Пашка смеялся.

Он замолчал и потер лицо ладонями. Потом опустил руки на руль.

Я ничего не сказала. Мне нечего было поправить в этом воспоминании.

— Вы втроем все знали, — произнес Илья.

— Я знала, — сказала я. — Да.

Илья откинулся на спинку сиденья. Его лицо стало незнакомым. Он все еще был тем человеком, который полчаса назад собирался забрать жену и папку, но разговаривать с ним по-прежнему я уже не могла. Нельзя было предложить чай, спросить, не устал ли он, напомнить о чем-нибудь смешном. Все, что раньше помогало мне при чужой неловкости, теперь было бы невыносимо.

— Почему сегодня? — спросил он.

— Потому что Паша снова попросил меня соврать.

— И тебе надоело?

Я приняла эту резкость молча. В его вопросе было то, чего я боялась больше всего.

— Я не смогла еще раз сказать, что она была у меня.

— А если бы он не попросил?

Я посмотрела на него. Хотелось уверенно ответить, что все равно рассказала бы. Через день, через неделю, когда нашла бы подходящий момент. Но подходящих моментов за полгода было достаточно. Илья оставался со мной на кухне, помогал донести сумки, однажды подвез до бюро. Каждый раз я могла начать этот разговор.

— Не знаю, — сказала я. — Наверное, продолжала бы молчать.

Он отвернулся.

— Прости меня, Илья.

Он посмотрел на часы, потом на папку у меня на коленях.

— Положи назад, пожалуйста.

Я не сразу поняла, о чем он. Потом повернулась и устроила папку рядом с тетрадями. Она соскользнула на сиденье; я поправила ее, выровняла по краю и только тогда заметила, что делаю.

— Мне нужно побыть одному, — сказал Илья.

— Да. Конечно.

Я вышла из машины, застегнула пальто и пошла вдоль ограды. Дойдя до угла, все-таки обернулась. Машина стояла там же. Через стекло я видела только силуэт за рулем и не могла понять, говорит ли Илья по телефону.

Обратно я шла быстрее. Сумка билась о бедро, шарф раскручивался, и я придерживала его рукой.

Возле дома ноги вдруг стали тяжелыми. Я прошла мимо нашего подъезда, дошла до следующего и вернулась. Подниматься было страшно. Не потому, что Павел мог на меня закричать: я слышала его сердитый голос достаточно часто и знала, что выдержу. Страшно было снова увидеть нашу кухню и понять, что сегодняшнее случилось именно там, среди вещей, которые я выбирала для нас обоих.

Я достала ключи. С первого раза не попала в замок и, пока пыталась открыть, услышала, как Павел подходит с другой стороны. Он отпер дверь сам.

— Илья мне звонил.

Муж стоял в прихожей с телефоном в руке. Я не стала спрашивать, что они говорили друг другу. Прошла, сняла сумку и поставила на пол.

— Ты довольна? — спросил Павел.

Я посмотрела на него. Он ждал ответа, и мне захотелось рассказать, как Илья попросил меня выйти из машины. Как я шла домой и не могла перестать вспоминать его лицо. За двадцать три года я привыкла нести к мужу почти все неприятное, что со мной происходило.

— Нет, — сказала я.

Павел отступил, пропуская меня. На кухне горел свет. Ноутбук стоял открытый, и на экране все еще была та же страница перевода. Муж поднял со стула свою куртку, повесил ее в прихожей и вернулся к столу.

Я подошла к раковине, налила воды и выпила. Ужин давно остыл. На столе лежали две вилки, которые я достала еще до его возвращения, и я убрала их в ящик, чтобы освободить место.

— Теперь давай поговорим, — сказал Павел.

Я закрыла ноутбук и села напротив.

Глава 2. Одно место у окна

— Я слушаю, — сказала я.

Павел сел напротив. Между нами лежал мой закрытый ноутбук, рядом стоял пустой стакан.

— Илья позвонил, — начал Павел. — Спросил, давно ли я сплю с его женой. Без приветствия, без ничего. Я попытался объяснить, а он бросил трубку.

— Что ты хотел ему объяснить?

— Что все гораздо сложнее, чем он сейчас думает.

— Он думает, что у тебя связь с Верой. В этом он ошибается?

— Не надо так, Нин. Я с тобой разговариваю нормально.

— Я тоже.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Мы с Ильей больше двадцати лет знакомы. Ты хоть представляешь, что сегодня сделала с нашей дружбой?

— Ты спал с его женой, — сказала я. — А я соврала ему, когда он спросил. Дружба закончилась не сегодня.

— Ты сама согласилась тогда помочь.

— Согласилась. Ты сказал, что все кончено.

— Тогда я так и думал.

— И я должна была догадаться, что ты передумаешь?

— Ты хочешь, чтобы я перечислял тебе каждый свой шаг? Сегодня я уже сказал: да, мы встречались. Не собираюсь сто раз повторять одно и то же.

— Я хочу знать, почему ты решил, что снова можешь попросить меня прикрыть вас.

— Потому что ты моя жена. Потому что я надеялся, что мы способны разобраться между собой, не устраивая скандал на всю компанию.

— Я сегодня здесь не останусь, — сказала я.

Он поднял голову.

— Куда ты пойдешь?

— В гостиницу. Потом найду квартиру.

— Ты серьезно?

— Да.

— Почти девять. Тебе завтра работать. Я могу уйти сам, если тебе так нужно побыть одной.

— Завтра ты вернешься. Послезавтра тоже. А я снова буду ждать, что ты скажешь.

— Нина, не превращай семейную ссору в переезд.

— Семейную ссору? — переспросила я.

— Назови как хочешь. Я не собираюсь тебя выгонять.

— Я знаю. Поэтому и ухожу сама.

— Давай хотя бы неделю поживем отдельно. Ты успокоишься, я разберусь с Ильей. Не принимай никаких решений сейчас.

— Я могу не принимать решение о разводе неделю, — ответила я. — Но где спать сегодня, решу сама.

Я вышла в спальню, открыла шкаф и достала дорожную сумку. В прошлом сентябре мы брали ее на три дня в Петербург. Павел остался на кухне.

В сумку пошли белье, смена одежды, косметичка, зарядка для телефона. Я открыла ящик с документами. Паспорт оказался там, где и должен был быть, рядом со свидетельством о браке. Взяла оба. Потом нашла папку с договором на квартиру и сфотографировала нужные страницы. Снимки сохранила на телефоне, а оригиналы оставила на месте.

Павел появился в дверях.

— Документы зачем?

— Мне могут понадобиться.

— Мы квартиру вместе покупали, никто у тебя ее не забирает.

— Я и не отдаю. Бумаги возьму с собой, чтобы потом не искать.

— Ты все уже расписала? Развод, раздел? — Он посмотрел на раскрытую сумку. — Слушай, может, сначала выспимся? Я вообще ничего не понимаю, что ты сейчас устраиваешь.

— Я тоже многого не понимаю. Но пока ты просил меня соврать, ты почему-то прекрасно представлял, что я должна делать.

Он хотел ответить, но я застегнула сумку, и ему пришлось отойти от шкафа, чтобы пропустить меня. Компьютер я убрала в отдельный чехол. Без него я не могла работать, а оплачивать собственную жизнь придется вне зависимости от того, в каком состоянии окажется мой брак.

Когда я вышла, он уже сидел на кровати.

— Ты хоть скажешь Антону? Или и ему позвонишь посреди ночи?

— Завтра. Он сейчас, наверное, спит. У них на работе ранний выезд.

— Я сам с ним поговорю.

— Поговори. Только не говори, что это я разрушила твою семью.

— Я никогда такого не говорил.

— Сегодня ты сказал, что я разрушила дружбу с Ильей.

— Это другое.

Я надела туфли, взяла сумку за ручку. Павел поднялся и вдруг спросил:

— Ты ведь понимаешь, что я тебя не разлюбил?

Я остановилась у порога. В последние месяцы я много раз пыталась выяснить, любит ли он меня. Тогда мне казалось, что стоит услышать это слово, и я сумею восстановить прежнюю жизнь. Сейчас муж произнес его сам, и никакого облегчения не произошло.

— Не знаю, Паша, — ответила я. — Может быть.

Гостиницу я выбрала ту, мимо которой ходила с работы. Небольшое здание с аптекой на первом этаже, без ресторана и красивого вида. Дежурная администратор долго искала мою бронь в компьютере, затем показала, где находится лифт. Я поднялась в номер на третьем этаже, поставила сумку возле кровати и сразу включила ноутбук: мне нужно было закончить перевод до утра.

Первую строку я перечитала пять раз. В инструкции описывалось, как снять защитную крышку оборудования. Я знала все слова, понимала, что требуется от пользователя, но никак не могла решить, как лучше назвать пластиковую защелку. В обычный день мне хватило бы минуты.

В конце концов я написала Марине, что закончу утром и пришлю файл до десяти. Она ответила: «Хорошо. Только проверь таблицы, там новая редакция». Потом добавила: «Нина, ты в порядке?»

«У меня дома неприятности. Утром буду на связи», — написала я.

Телефон лежал возле подушки, и я все время ждала, что он зазвонит. Павел прислал одно сообщение: «Ты доехала?» Я ответила «Да». Через полчаса он написал: «Дома тихо. Подумай, прежде чем все ломать». Я открыла сообщение, но отвечать не стала.

Утром хотелось плакать больше, чем ночью. Я умылась, заплела волосы, села за ноутбук. В половине десятого отправила Марине перевод, а потом долго смотрела на пустую чашку из-под гостиничного кофе. За работой я на несколько часов забывала проверять телефон. Теперь перевод был сдан, и я снова думала о доме.

В пятницу, семнадцатого апреля, Вера написала мне три раза. Сначала: «Нин, пожалуйста, поговори со мной». Через час: «Ты не знаешь всего». К вечеру: «Я не хочу, чтобы так все закончилось».

Вере я не ответила. Не из расчета наказать. Мне нужно было провести несколько дней, не подбирая для нее слов, которые она сумеет вынести.

До понедельника я прожила в гостинице. По утрам уходила в бюро, днем смотрела объявления, вечером возвращалась в номер. Работать там было неудобно: узкий столик под телевизором, две розетки возле кровати и стул, на котором нельзя сидеть дольше часа.

В объявлении значилась светлая однокомнатная квартира после ремонта. На фотографиях было чисто, почти пусто. В действительности посреди комнаты стоял диван с высокой спинкой, рядом — шкаф до потолка, а около окна помещался только узкий проход. Хозяйка с гордостью объяснила, что при необходимости ноутбук можно ставить на кухонный стол.

— Мне нужно здесь работать каждый день, — сказала я.

— Так это вам даже удобнее. Завтрак приготовили и сразу работаете.

— Мне надо подумать, — сказала я.

Следующий вариант понравился с порога: просторная комната, хороший свет, стол, на котором можно было разложить несколько документов, большой шкаф. Даже из окна были видны деревья.

Хозяин назвал сумму за месяц. Я попросила повторить, хотя услышала правильно. К ней добавлялись коммунальные платежи, залог и оплата услуг посредника. Я быстро посчитала, сколько останется после аренды. Сумма получилась достаточной, чтобы жить, если не покупать одежду, не ездить никуда и никогда не болеть. В переводческом бюро платили регулярно, но не настолько, чтобы можно было не замечать цену хорошего вида из окна.

В автобусе я открыла банковское приложение. Собственные накопления у меня были: я много лет откладывала часть денег после крупных заказов. Сумма казалась приличной, пока я представляла себе отпуск или замену ноутбука. Если вычесть аренду, питание, лекарства и проезд, она переставала выглядеть такой большой.

Павел позвонил, когда я возвращалась с просмотра.

— Ты давно не была дома, — сказал он. — Тебе вещи нужны. Я завтра уеду по делам, можешь забрать все спокойно.

— Спасибо. Я приеду.

— Ты квартиру ищешь?

— Да.

— У нас есть квартира, Нин. Нормальная, большая. Зачем ты тратишь деньги на чужую?

— Потому что не хочу сейчас жить с тобой.

— Очень удобно получается: одна решаешь, а платить за все будем вдвоем.

— За съемную квартиру я плачу сама. Наша общая никуда не делась, и я от нее не отказываюсь.

— Давай без новых неприятностей. Мне сейчас и так хватает.

Третью квартиру показывала сама хозяйка. Маленькая, сухопарая женщина в темном кардигане сразу предупредила, что в коридоре не работает лампочка. Она купила новую, но лезть под потолок не собиралась.

В комнате стояли раскладной диван, комод и узкий письменный стол у окна. На столе было несколько царапин, под ним помещались обе мои ноги. Из окна открывался вид на двор: старая липа, скамейка, серый торец соседнего дома. Окно открывалось туговато, но не продувало.

— Вы не студентка, надеюсь? — спросила она.

— Мне сорок пять.

— Возраст ничего не значит. У меня и в пятьдесят студенты жили. Один кандидатскую писал, весь пол испортил колесами кресла.

— Я переводчик. Работаю за компьютером. Пол обещаю не портить.

— Тогда смотрите розетки. Над столом две, третья за диваном. Интернет проведен. Если что-то сломается, звоните, только не разбирайте сами.

Цена укладывалась в сумму, которую я себе определила. Залог требовался в размере месячной платы, договор она предложила подписать сразу после проверки паспорта и расчетов по счетчикам. На этом мы и сошлись.

— Муж с вами жить будет? — спросила хозяйка, когда мы сели заполнять бумаги.

Я посмотрела на свое обручальное кольцо. До сих пор оно было на пальце; я даже не замечала, что не сняла его.

— Нет. Я одна.

Она кивнула и продолжила записывать мои данные. Сразу стало легче оттого, что ей не требовалось объяснение.

Вечером я перевезла сумку из гостиницы и сходила в магазин за чаем, мылом, хлебом и самой маленькой упаковкой соли. Раньше я брала соль большими пакетами: мы с Павлом обычно покупали все с запасом. Теперь я стояла перед полкой и не могла решить, сколько соли нужно мне одной.

На следующий день я приехала домой за остальными вещами.

Павел действительно уехал. Ключ, как всегда, повернулся в замке со второго раза. На кухне стояли чистые чашки, на плите — сковорода со следами яичницы. Муж умел готовить, если хотел, только никогда не замечал, куда убрать лопатку после мытья.

В спальне я открыла свой шкаф. Забрала одежду на ближайшие месяцы, рабочие книги, несколько фотографий Антона, коробку с письмами матери. Украшения взяла те, которые покупала или получала в подарок. Остальные вещи оставила. Не хотелось делать из каждого предмета доказательство того, кто сколько вложил в семейную жизнь.

В прихожей меня остановило наше свадебное фото. Оно стояло на комоде между вазой и ключницей. Павлу было тридцать один, мне двадцать два. Я на снимке смеялась, потому что фотограф велел жениху поправить галстук, а тот упрямо сделал наоборот, развязал его совсем. В день свадьбы мы оба боялись показаться слишком серьезными и к вечеру охрипли от смеха.

Я не забрала фотографию. Не стала прятать или переворачивать ее. Положила в чемодан последнюю блузку и закрыла крышку.

Уже в новой квартире я поняла, что забыла настольную лампу. Стол у окна был удобен только днем. Я села проверить текст и поймала себя на том, что хочу позвонить Павлу: он всегда лучше меня разбирался в освещении. Телефон я все-таки отложила, а лампу купила по дороге с работы.

Во вторник вечером лампа стояла справа от ноутбука. Я открыла перевод и впервые за неделю проработала почти два часа без перерыва. Когда подняла глаза, во дворе зажглись фонари, а в соседнем доме постепенно светились окна.

Антон приехал в субботу, двадцать пятого апреля, после работы. Я отправила ему новый адрес накануне, когда он в третий раз позвонил, пока я разговаривала с заказчиком.

Открыв дверь, я увидела у него в руках пакет с апельсинами и удлинитель.

— Это тебе, — сказал он, проходя в прихожую. — У тебя наверняка розеток не хватает. И фрукты. Ты вообще ешь нормально?

— У меня откуда-то взялся заботливый инженер. Кажется, еще недавно ты оставлял мокрые полотенца на диване.

— Я и сейчас оставляю, — ответил Антон. — Только уже у себя. Никто не видит.

— Нормально тут, — сказал он. — Только маленькая.

— Мне одной достаточно.

— Ты надолго?

— Пока не знаю.

Я поставила чайник. На маленькой кухне он поместился возле хлебницы, которую хозяйка оставила вместе с посудой. Антон вошел следом, открыл холодильник, хотя я не предлагала ему ужинать.

— У тебя одни яйца.

— Еще сыр и помидоры. И суп. Я вчера варила.

— Суп в кастрюле я видел. Просто... — Он закрыл дверцу и повернулся ко мне. — Мам, зачем ты так? Ты ведь можешь жить дома.

— Давай сядем, — предложила я.

Мы устроились за кухонным столом. Он подвинул к себе апельсины, один покатился к краю. Антон поймал его и некоторое время держал в руке, рассматривая наклейку.

— Папа сказал, у него с Верой что-то было, — начал он. — Потом ты узнала и решила разводиться. Он сказал, что хотел с тобой поговорить, но ты ушла.

— Папа правильно сказал, что у него были отношения с Верой. Он не сказал тебе, как долго это продолжалось?

— Нет.

— Началось прошлым летом. В октябре он мне признался, обещал закончить. Я поверила. А на прошлой неделе выяснилось, что они опять встречаются.

— Вера? Тетя Вера?

— Да.

— И дядя Илья знает?

— Теперь да.

— Ты ему сказала?

— Да. В прошлый четверг. И рассказала, что осенью сама солгала ему, когда он спросил, была ли Вера у нас ночью.

— Зачем ты соврала? — спросил он наконец.

— Хотела поверить отцу, что все кончилось. И боялась, что если Илья узнает, мы все перестанем общаться.

— Ну и что, теперь не общаетесь?

— Пока не общаемся.

— А если папа действительно закончит с ней сейчас? Вы можете попробовать нормально поговорить. Не завтра же разводиться.

— Мы уже разговаривали, Антон.

— Но вы столько лет вместе.

— Знаю.

— Он ведь не какой-то чужой. Я понимаю, что он поступил по-свински. Но ты тоже его знаешь. Он с тобой нормально всю жизнь был.

— Мы правда много хорошего прожили, — ответила я. — И от этого мне особенно тяжело. Но я не хочу возвращаться к нему только потому, что мы давно знакомы.

— То есть все? — тихо спросил сын.

— Я собираюсь подавать на развод, — сказала я. — Если отец согласится, сделаем это вместе.

— Может, хотя бы пока ты вернешься? Зачем платить за чужую квартиру, если у вас своя? Он бы в гостиной спал.

— Он сам предлагал. Мне сейчас лучше здесь.

— И что мне делать? — спросил он.

— Тебе завтра на работу. У тебя свой дом, свои планы. Не нужно ничего делать с нашим браком.

— Да я не об этом.

Он повернулся к окну, за которым дети катались на самокатах между припаркованными машинами. Я подождала. Чай остыл, на поверхности образовалась тонкая пленка. Антон наконец сказал:

— Я к кому теперь на день рождения приезжать буду?

Вопрос был таким простым, что я долго не могла ответить. День рождения сына в июне мы всегда отмечали вместе, даже когда ему исполнилось двадцать и он говорил, что не хочет никаких свечек. Я покупала торт, Павел готовил мясо, приходили несколько друзей Антона. Иногда он сердился, потому что мы задавали слишком много вопросов про работу и личную жизнь.

— К кому захочешь, — сказала я. — Можно ко мне, можно к папе. Только заранее договоримся. Я не буду обижаться, если ты проведешь с ним целый день.

— А он будет.

— Тогда ему придется с этим справляться.

Мы допили чай. Антон помог отодвинуть стол от стены, чтобы провод лампы не перегибался, и подключил привезенный удлинитель. В новом жилье это оказалось обычным полезным делом.

— Ты только не думай, что я за папу. Я просто... не хочу, чтобы вы разъезжались.

— Я понимаю.

— И не знаю, как мне теперь к дяде Илье обращаться. Мы же у них летом обычно бывали.

— Пока никак не надо. Если встретитесь, разговаривай как раньше. Ты ему ничего не должен объяснять.

Он кивнул, однако видно было, что это объяснение ему не особенно помогает. Я обняла его. Антон обнимал коротко, будто боялся причинить неудобство. На лестнице он снова обернулся:

— Если нужно будет что-то перевезти, напиши. У меня на следующей неделе выезд только в среду.

— Напишу.

В воскресенье мне позвонил Павел. Мы давно не разговаривали больше нескольких минут. Он спросил, была ли я у юриста. Я ответила, что записалась на консультацию по квартире и накоплениям.

— Нин, мы можем все решить сами. Зачем чужим людям наши деньги платить?

— Чтобы понимать, что подписываю. Ты же тоже всегда проверяешь документы.

— Хорошо. Понял. Только не надо думать, что я с тобой судиться собираюсь.

Я ему верила: Павел вряд ли стал бы прятать мои вещи или перекрывать доступ к общим деньгам. Но для разговора об имуществе нам требовались понятные документы. В понедельник на консультации я узнала, какие договоренности следует оформить отдельно от развода.

Во вторник я позвонила Павлу сама.

— Я хочу подать заявление в четверг. Тридцатого. Если ты согласен, нам нужно прийти вместе.

— Быстро же ты все решила.

— У нас нет маленьких детей. Мы можем подать совместное заявление.

— Ты так говоришь, будто записываешься к стоматологу.

— Если я начну плакать по телефону, заявление от этого не станет другим.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

Я дала ему время. Он перезвонил вечером и согласился. Сказал, что, возможно, разлука поможет нам увидеть все иначе. Я не стала спорить. Он вправе был думать так, как ему хотелось; я могла отвечать только за свое решение.

Тридцатого апреля мы встретились возле отдела ЗАГС. Павел пришел раньше меня, в темном пальто и светлой рубашке. Он всегда одевался хорошо, даже когда выходил купить хлеб. Увидев меня, поправил воротник и улыбнулся так, будто мы договорились вместе сходить в учреждение по обычному делу.

— Ты не замерзла? — спросил он.

— Нет. На улице тепло.

— Я думал, ты опоздаешь из-за автобусов. Мог бы заехать.

— Я приехала вовремя.

Внутри пахло бумагой и кофе из автомата. Перед нами ждали двое пожилых людей: женщина перечитывала документ, мужчина держал прозрачную папку. Мы с Павлом сели в стороне. Между стульями я поставила сумку с бумагами. Когда назвали нашу очередь, муж поднялся первым и привычно подал мне руку. Я встала сама.

Мы предъявили паспорта и свидетельство о браке. Павел отвечал коротко и вежливо. Я перечитала внесенные данные, нашла опечатку в названии улицы и попросила исправить. За годы работы переводчиком я усвоила, что даже неприятный документ лучше проверять внимательно.

Мы подписали заявление. Нам объяснили, когда состоится регистрация расторжения брака. Дату назначили на третье июня. До нее оставалось больше месяца. Павел переспросил, нужно ли приходить обоим, затем записал время в телефон.

— Пойдем выпьем кофе? — предложил он.

Я почти согласилась. После таких дел мы всегда заходили куда-нибудь поесть, и теперь мне захотелось привычного капучино. Но я представила, как он спросит, не вернуться ли вместе, и отказалась.

— Не сегодня, — ответила я.

— Мы еще не разведены, Нин. Ты это понимаешь?

— Понимаю. Нам назначили дату.

— Я не про дату. Ты не обязана торопиться.

— И ты не обязан все время меня ждать. Я не просила.

Он спросил, как мне живется в съемной квартире. Я рассказала про маленькую кухню и окно во двор, а потом обмолвилась про лампу, которую пришлось покупать.

— Могла сказать, я бы приехал, — заметил Павел.

— Я справилась.

Мы попрощались у перехода. Муж пошел к своей машине, я — к остановке. Через несколько шагов обернулась. Он стоял возле дверцы и смотрел на меня. Я подняла руку; он ответил тем же. Так мы прощались десятки раз, когда я уезжала к матери или отправлялась в командировку. В тот день у меня впервые мелькнула мысль, что прежние жесты могут остаться, даже когда отношения, ради которых они возникли, уже закончились.

Дома я сняла пальто и разложила бумаги на столе. Пришло письмо от риелтора по даче: ему нужны были фотографии пристройки и список работ после последней оценки. Я нашла февральский файл и переслала Илье с вопросом, сохранились ли чеки за материалы.

Ответ пришел быстро: «Часть есть. Завтра посмотрю остальные».

Я отложила телефон. Не ожидала ничего другого. Мы могли не общаться по личным причинам, но дом был общим, и дела по продаже никуда не исчезли. Через несколько минут Илья позвонил.

— Нина, привет. Не отвлекаю?

— Нет. Я дома. По чекам все верно? Там еще крышу надо отдельно указать.

— Да, я помню. В субботу съезжу в Ольховку, посмотрю у себя в сарае. У нас часть квитанций в ящике с инструментами.

— Хорошо, — сказала я. — Если найдешь, сфотографируй. Я соберу в один файл.

— Нин, я еще хотел сказать. Мы с Верой решили попробовать остаться вместе.

— Понятно.

— Она мне рассказала, что было. Мы долго разговаривали. Я не знаю, получится ли, но хочу попробовать.

— Это ваше дело, Илья.

— Я говорю тебе, потому что мы все равно будем встречаться по даче. Не хочу, чтобы ты случайно узнала от кого-нибудь и подумала, что я скрываю.

— Спасибо, что сказал.

— Мне нужно время. И ей тоже.

Я хотела ответить, что уже знаю, сколько времени можно провести в попытках поверить. Что Вера прекрасно умеет обещать, а Павел тоже умел смотреть в глаза, когда просил дать еще один шанс. Все эти слова уже стояли у меня на языке. Илья сам только что произнес, что хочет попробовать; моего разрешения ему не требовалось.

— Надеюсь, у вас получится так, как вы оба хотите, — сказала я.

— Ты как? — спросил Илья.

— Живу отдельно. Работаю. Сегодня мы с Пашей подали заявление.

— На развод?

— Да.

— Ясно. Если понадобится что-то по дому, я напишу.

— Напиши.

Я не понимала, почему так злюсь на Илью. Он узнал об измене своей жены и решил сделать то, что считал правильным. В октябре я сама хотела сохранить брак. Я ведь не спрашивала у него разрешения, когда согласилась молчать.

Но обида все равно оставалась. Вера обманула его много раз, а он дал ей возможность исправить сделанное. Я обманула однажды, призналась сама и не получила даже простого «спасибо, что рассказала». Я понимала, насколько несправедливо сравниваю. С Верой Илья прожил двадцать четыре года. Со мной дружил, и именно я подтвердила ему ложь, когда он пришел проверять свои сомнения.

Я закрыла окно. Со двора тянуло сырой землей и выхлопом. На письменном столе лежали два договора, распечатка чернового перевода и карандаш с отломанным кончиком. Я убрала карандаш в стаканчик, взяла новый и открыла письмо Марины.

Она прислала большой файл с пометкой: «Исходник обновили. Сдача в понедельник, до двенадцати. Пожалуйста, работай с последней версией».

Я скачала материалы, сравнила названия файлов и начала выписывать различия. Через полчаса обнаружила, что в одном разделе заменили не только таблицу, но и порядок действий. Пришлось вернуться к началу инструкции. Я пометила спорное место, поставила рядом вопрос и продолжила.

За окном постепенно темнело. Соседи пришли домой, над двором одна за другой загорались кухни. Я включила свою лампу, пододвинула к столу чашку с остывшим чаем и открыла следующую страницу.

Глава 3. До понедельника

В пятницу утром я обнаружила, что на столе не помещаются сразу два раскрытых документа. Ноутбук стоял перед окном, справа лежала распечатка старой редакции инструкции, слева — список замечаний заказчика. Когда я попыталась положить рядом еще одну страницу, локтем задела чашку. Кофе пролился на подоконник, не добравшись до компьютера, и я минут пять собирала его бумажными салфетками.

Всю предыдущую неделю я жалела, что не могу работать в прежней квартире. Там у меня был большой стол, нормальное кресло и лампа, которую не приходилось переставлять всякий раз, когда требовалось что-нибудь прочитать. А потом злилась на себя за это сожаление. Словно, переехав, я обязалась немедленно полюбить каждый недостаток съемного жилья.

Я убрала мокрые салфетки, открыла на экране две версии исходного текста и еще раз прочитала письмо Марины.

«Пожалуйста, работай с последней версией».

Последняя версия была помечена двадцать девятым апреля. В начале документа заказчик заменил несколько терминов, уточнил названия деталей. Я уже успела перенести эти исправления в перевод. В четвертом разделе изменения оказались серьезнее: порядок подготовки оборудования к запуску отличался от того, что было написано неделю назад. Я отметила это еще вчера вечером и собиралась разобраться сегодня.

Теперь обнаружилось, что рисунки, приложенные к новой редакции, оставались прежними. В тексте предлагалось снять фиксатор перед проверкой направляющей, а на схеме он все еще стоял на месте. Ссылки на рисунки тоже не совпадали. Там, где требовалась иллюстрация узла подачи, оказался разрез совсем другой детали.

Я открыла первое письмо заказчика, потом второе, сравнила названия вложений. В каждом была папка «final». В одной лежал исправленный текст, в другой — таблицы и изображения. Названия файлов отличались одной цифрой, и поначалу я не заметила, что они принадлежат к разным редакциям.

Мой перевод уже содержал куски из обеих.

Я отодвинулась от стола и посмотрела на часы. До понедельника оставалось три дня, причем впереди были выходные. Сам по себе срок меня не пугал: я не раз работала по субботам. Неприятным было другое. Если заказчик подтвердит, что новая последовательность действий верная, понадобится переделать несколько разделов целиком. Если подтвердит старую, придется возвращать прежние термины. Отправить наугад было нельзя.

Я набрала Марину. Она ответила не сразу; на заднем плане у нее разговаривали люди.

— Нина, что случилось? Я на даче.

— Извини. У нас две разные редакции исходника. Текст обновлен, а изображения остались от старой. В четвертом разделе рисунки противоречат инструкции. Мне нужно уточнение у заказчика.

— Ты только сейчас заметила?

Я посмотрела на список, который составила вчера. Первое расхождение я действительно заметила еще тогда, но решила, что смогу сама разобраться по контексту. Утром стало ясно, что дело не в одном рисунке.

— Вчера увидела, что переставили действия. Сегодня дошла до схем и поняла, что версии не совпадают. Надо было сразу написать тебе.

Марина помолчала.

— Сколько готово?

— Начальные разделы и приложения по старой редакции. Последние правки внесены не везде. Я могу закончить, если дадут правильный исходник, но к понедельнику все одна не проверю.

Обычно на этом месте я начинала объяснять, что посижу ночью и все успею. Марина знала эту мою привычку и часто говорила, что после таких обещаний ей приходится уговаривать меня хотя бы лечь спать. В этот раз я удержалась.

— Нужно отдать часть Ирине, — сказала я. — Она хорошо знает оборудование этого типа. Если у нее есть время.

— Ты согласна разделить гонорар?

— Да. Она же будет делать работу.

— Тогда отправь мне номера разделов и оба комплекта файлов. Я сейчас напишу заказчику. Ирина сегодня вроде дома, спрошу.

Пока мы говорили, на экране всплыло сообщение от Павла. Он спрашивал, забрала ли я из дома папку с гарантийными талонами. Я не стала открывать переписку: напоминание висело в углу экрана, пока я сохраняла сравнительную таблицу. Потом исчезло.

Через час Марина переслала ответ заказчика. Правильным считался новый текст, а комплект иллюстраций действительно приложили прежний. Исправленные изображения обещали прислать ближе к вечеру.

«Ирина берет разделы с седьмого по девятый, — написала Марина. — Ей четверть оплаты. Ты собираешь остальное и финально проверяешь файл. В понедельник жду до десяти, чтобы успеть посмотреть перед отправкой».

Я перечитала сообщение. Четверть оплаты была заметной суммой. На прошлой неделе я внесла залог за квартиру, купила необходимые мелочи и заплатила за четыре гостиничные ночи. Мне хотелось написать, что сама справлюсь, и вернуть себе деньги. Вместо этого я позвонила Ирине.

Мы давно работали в одном бюро, хотя чаще обменивались файлами, чем разговаривали. Она сразу спросила, по какой редакции переводить, и попросила прислать согласованный список терминов.

— Только пожалуйста, пометь все места, где номера рисунков пока условные, — сказала она. — А то я потом полдня буду искать несуществующий клапан.

— Уже пометила. Ирина, извини, что на выходных.

— За работу заплатят? Заплатят. Тогда не извиняйся. У меня завтра все равно муж с детьми к теще уезжает, я дома одна останусь.

Она говорила легко и деловито. Я поймала себя на том, что собиралась еще раз извиниться, и спросила вместо этого, до какого часа ей удобно созвониться.

К вечеру я распечатала новые страницы и разложила их по полу: иначе не помещались. Из маленькой кухни был виден целый ряд листов, уходящий под диван. Я переступала через них с тарелкой гречки и думала, что за последние две недели моя жизнь стала удивительно неэкономной. За гостиницу заплати, за квартиру заплати, за работу, которую не успеваешь закончить, уступи деньги. И никто не обещал, что когда-нибудь мне это возместят.

Я поела возле раковины, вымыла тарелку и вернулась к документам. Из соседней квартиры донеслась музыка. Потом кто-то сверху с неприятным скрежетом отодвинул стул, будто по комнате тащили шкаф.

Писать оказалось легче, когда стало ясно, за что именно я отвечаю. Первые разделы требовали не столько нового перевода, сколько аккуратного согласования терминов. Там, где в старой редакции значился «стопорный палец», новая называла ту же деталь «транспортным фиксатором». Пришлось проверить, не имеется ли в виду другой элемент. Я сверяла описание со схемой, выписывала спорные места для клиента и не пыталась додумать то, чего в исходнике не было.

В субботу утром Ирина прислала первые страницы. На полях она оставила вопросы, один из которых обнаружил еще одну ошибку заказчика: в таблице значения давления относились к соседним строкам. Я переслала замечание Марине, та обещала уточнить. До ответа таблицу мы не трогали.

В полдень позвонил Антон.

— Мам, ты дома?

— Да, работаю.

— Я на пять минут. У тебя есть шуруповерт?

— В съемной квартире? Откуда?

— Я подумал, ты папин могла забрать.

— Зачем мне папин шуруповерт?

— У тебя никогда не угадаешь. Ты в прошлый раз из дома столько папок увезла, я думал, там вся библиотека.

Я улыбнулась впервые за утро. Антон рассказал, что купил полку, собрал ее неправильно и теперь пытается снять одну деталь, не открутив остальные. Я посоветовала не тянуть силой и прислать фотографию крепления. Он отправил снимок, на котором было видно только собственное колено и половину шкафа.

— Отличный вид, — сказала я. — Где полка?

— Она за коленом.

— Тогда пусть колено само с ней разбирается.

Он засмеялся и пообещал перезвонить, когда доберется до инструкции. Впервые с нашего разговора на кухне мы смогли обсудить что-то обычное. Я еще некоторое время сидела с телефоном в руке, потом убрала его и открыла очередной раздел.

В воскресенье к обеду основные исправления были готовы. Ирина прислала свою часть, мы проверили общие термины и устранили несколько разночтений. К вечеру заказчик подтвердил значения в спорной таблице. Я собрала файл, выставила нумерацию, проверила перекрестные ссылки. После полуночи выключила ноутбук и легла спать, хотя по привычке хотелось просмотреть все еще раз.

В понедельник, четвертого мая, я проснулась раньше будильника. На улице было светло, в форточку проникал запах свежей выпечки из магазина на углу. Я сделала чай, включила компьютер и проверила последнее исправление. В девять сорок семь отправила Марине готовый комплект и список вопросов, которые заказчик уже успел закрыть.

Она ответила около одиннадцати: «Принято. Отдаю. Хорошо, что не пустили в работу старые схемы. На следующем заказе сразу сверяем состав комплекта».

Я несколько раз перечитала последнюю фразу. Марина не сказала, что я молодец. Не обещала вернуть мне четверть денег. Просто приняла работу, указала, что было сделано правильно, и напомнила, что нужно изменить в следующий раз.

Этого оказалось вполне достаточно.

После обеда я вышла из квартиры без сумки с ноутбуком. Прошла мимо той самой гостиницы, купила в хозяйственном магазине второе кухонное полотенце и дешевые плечики. У кассы долго выбирала, нужен ли мне пакет. Раньше я взяла бы сразу два: один пригодится на даче, другой в машине. Теперь решила донести покупки в руках. На улице было тепло, и я не спешила домой.

В среду позвонил риелтор по даче. Он собирался прислать фотографа на следующей неделе и попросил убрать с открытых полок личные вещи. Кроме того, с веранды нужно было вынести старый шкаф, а на крыльце подкрутить одну из ступенек.

— С этим лучше к мужчинам, — сказала я и тут же поймала себя на слове «мужчины», словно мы все еще составляли одну большую семью. — Я могу приехать разобрать шкафы в комнатах. По ремонту свяжитесь с Ильей и Павлом.

Риелтор записал. Потом спросил, когда все четверо смогут собраться для обсуждения цены. Я предложила сначала прислать нам отчет письменно. До подписания договора о продаже было еще далеко, и мне совсем не хотелось проводить субботний вечер за общим столом с Верой и Павлом, обсуждая, достаточно ли хороший у нас дом.

Илья написал в четверг: «В субботу буду в Ольховке с девяти. Посмотрю крыльцо и калитку. Если собираешься разбирать шкафы, открою дом».

Я ответила, что приеду около десяти, и спросила, нужны ли мешки для мусора.

«Есть целый рулон. Лучше возьми теплые носки. В доме холодно».

Я посмотрела на сообщение, представила Илью с привычно сведенными бровями и усмехнулась. Он всегда считал, что люди недооценивают холодные полы. Однажды купил всем гостям по паре одинаковых шерстяных носков, а потом до конца лета спрашивал, почему никто их не носит.

В субботу маршрутка высадила меня у поворота на Ольховку. Дорога к поселку еще не успела просохнуть после ночного дождя. В канаве стояла вода, на березах появились молодые листья. Я прошла мимо двух участков с запертыми воротами и увидела наш старый забор.

Дом стоял немного в глубине сада, за яблонями. Пристройка, которую мужчины закончили за один отпуск, казалась теперь ниже, чем в памяти. Красная краска на оконных рамах выгорела, возле крыльца росла крапива. Илья сидел на корточках у калитки и возился с петлей. Рядом лежали отвертка и банка с винтами.

— Привет, — сказала я.

Он поднял голову.

— Уже пришла? Десяти еще нет.

— Маршрутка раньше дошла.

— Хорошо. Подержи, пожалуйста, калитку. Она все норовит уйти на меня.

Я поставила сумку на сухое место и взялась за металлическую раму. Он проверил, как ходит петля, несколько раз покачал калитку и попросил отпустить.

— Годится, — сказал он. — Раньше была лучше, но теперь не провиснет.

— Если надо, я могу еще что-нибудь подержать.

— Надеюсь, больше ничего на меня не падает.

У него на рукаве темнело пятно машинного масла. Волосы были примяты с одной стороны, вероятно, от шапки. Я не видела Илью с нашей апрельской встречи в машине. По телефону мы успели поговорить о даче и о том, что они с Верой решили остаться вместе. Сейчас он протянул мне ключ, будто мы не расставались после неприятного разговора, и это оказалось неожиданно трудно: хотелось поблагодарить его за обычную вежливость.

— В доме пахнет сыростью, — предупредил он. — Я окна открыл, но еще не выветрилось. На веранде доска у порога ходит, не наступай на край.

Я вошла. В узком коридоре стояли старые сапоги, детский резиновый мяч, ящик с пустыми банками. Кухня встретила знакомым запахом холодного дерева и пыли. На холодильнике висел магнит из поездки, которую мы когда-то совершили вчетвером, а на стене — календарь за прошлый год. Мы так и не сменили его зимой. Никто не приехал достаточно надолго, чтобы это заметить.

Я открыла окна в двух спальнях и поставила сумку на стол. Из дома было слышно, как Илья стучит по доске на крыльце. Вещей оказалось больше, чем я помнила. В одном шкафу лежали скатерти и запасные полотенца, в другом — старые детские игры, книги, пакеты с одеждой. На верхней полке обнаружились два пледа, от которых пахло прошлым летом, хотя я не могла бы объяснить, что именно в этом запахе летнего: ткань была сухая и чистая.

Я достала три коробки. На одной написала «забрать», на другой — «показать детям», на третьей — «выбросить». Потом поняла, что в четвертой придется оставлять вещи для продажи

вместе с домом, и пошла искать маркер другого цвета. Нашла его в ящике с батарейками, положила рядом с коробками и только после этого смогла начать.

Илья вошел, когда я вытаскивала из шкафа стопку старых простыней.

— Там в ванной кран подтекает, — сказал он. — Я перекрою, пока фотограф не приедет. Ты есть будешь? Я бутерброды привез.

— Я тоже взяла еду. А кран давно течет? У нас же летом все нормально было. Надо, наверное, вызвать мастера до показа, я могу узнать у соседей, кто здесь работает.

— Если не получится заменить прокладку, вызовем. Не надо пока никого искать.

— Хорошо. Еще нужно проверить дверцы шкафов, там одна отваливалась. И я нашла фотографии, их надо разобрать, а на кухне можно...

— Нина, — перебил он спокойно, — мы за один день все равно не продадим этот дом.

Я остановилась с простынями в руках.

— Я просто перечисляю, чтобы ничего не забыть.

— Перечисляй в блокнот. У тебя уже обе руки заняты.

Он ушел к ванной, и я почувствовала раздражение. Не такое сильное, чтобы идти следом и спорить, но достаточное, чтобы с силой бросить простыни в коробку. Мне казалось, что я всего лишь пытаюсь помочь. Он мог бы позволить мне хотя бы поговорить об этом.

Через несколько минут я достала блокнот и действительно записала все обнаруженные поломки. Когда список закончился, стало ясно, что половина дел вполне может подождать до следующей недели. Оставшееся уже значилось в письме риелтора.

Я взялась за детские вещи. На дне большого ящика лежали пластмассовые фишки от настольной игры, альбом для рисования, старые открытки и две тетради. На одной корявыми буквами было написано «Лиза. Не смотреть». Конечно, я открыла ее лишь затем, чтобы понять, кому она принадлежит, но уже на первой странице наткнулась на рисунок девочки в короне. Внизу Лиза лет в десять подписала: «Я, когда стану директором всего».

Я засмеялась, потом закрыла тетрадь. В другую коробку положила Антонов железнодорожный вагончик без колес, несколько его школьных фотографий и маленькую модель самолета. Подписала пакеты именами детей.

Илья вернулся с отверткой. Я показала ему тетрадь.

— Смотри, что нашла. Лизе точно будет интересно. Она же любит свои старые рисунки.

— Когда она тебе в последний раз об этом говорила?

— Не помню. Давно. Но вещи ее, надо сохранить.

— Сохранить — да. Только не вези ей это сейчас.

— Почему?

— Она попросила пока ничего с дачи не привозить. Ей и без того хватает разговоров обо всем этом.

Я взглянула на коробку с надписью «Лиза».

— Но потом ей будет обидно, если мы выбросим ее детство.

— Мы ничего не выбрасываем. Я сказал: не надо везти. Пусть сама решит, когда захочет забрать.

— Ты думаешь, она приедет сюда? Дом ведь продадим. Сейчас самое время разобрать.

— Именно поэтому я и не хочу ставить ее перед готовым решением. Позвоню, спрошу. Если захочет, приедет, если нет — оставим коробку у меня.

— У тебя для этого место найдется?

Илья посмотрел на меня с удивлением.

— У меня дома? Найду место для дочериной тетради, не переживай.

Я хотела объяснить, что всегда так делала. Собирала вещи Антона и Лизы, раздавала родителям, подписывала пакеты, а потом все благодарили меня за то, что ничего не потерялось.

Но сейчас меня никто не просил решать за Лизу. Я стояла посреди старой комнаты с чужой тетрадью в руке и настаивала, что лучше знаю, когда ее нужно отдать владельцу.

— Извини, — сказала я. — Я оставлю здесь. И у Антона тоже спрошу, прежде чем что-нибудь ему везти.

— Антон, кажется, сам давно умеет решать, куда ему ставить игрушки.

— Судя по последней фотографии, полку он пока не умеет ставить, — ответила я.

— Что за фотография?

Я показала снимок, который сын прислал в прошлую субботу. Илья посмотрел, повернул телефон боком, прищурился.

— Это что? Колено?

— Все, что осталось от сборки мебели.

— А полка где?

— За коленом. Он так утверждает.

Илья рассмеялся. Я не сразу узнала этот смех. На даче он часто смеялся, особенно когда дети были маленькими, но за последние полгода я совсем забыла, как свободно он это делает. В машине возле библиотеки он казался старше самого себя. Сейчас откинул голову и потер большим пальцем угол глаза.

— Попроси его в следующий раз фотографировать без колена, — сказал он. — Я хотя бы увижу, чем ему помочь.

— Он в итоге полку повесил. Правда, не с первого раза.

— Значит, инженер растет. Можно не вмешиваться.

Он аккуратно положил Лизину тетрадь в коробку с ее именем, не заклеивая крышку. Я вернулась к шкафу. Некоторое время мы работали молча. Илья складывал книги в стопки, я проверяла, не осталось ли между страницами фотографий или денег. В двух томах нашлись засушенные листья, в одном — счет из старого продуктового магазина. Зачем мы хранили его столько лет, никто не помнил.

В кухне закипел чайник. Илья приготовил бутерброды: хлеб, сыр, огурцы. На упаковке сыра красным фломастером было написано «для дачи». Я узнала почерк Веры и подумала, что она утром собирала ему еду. Это знание почему-то укололо. Мне тут же стало стыдно за собственную реакцию. Они пытались жить вместе. Я знала об этом и не имела никаких причин ждать, что Илья будет приходить сюда с пустой сумкой и голодным желудком.

— У тебя чай какой? — спросил он.

— Черный.

— У меня тоже. Только пакетики. Чайник старый, вода долго греется.

Мы сели по разные стороны кухонного стола. На клеенке остались следы от горячих кастрюль, которых раньше было не видно из-за большой корзины с фруктами. Корзину я собиралась забрать еще прошлым летом, чтобы не мешала на столе, и каждый раз забывала.

— Как у тебя с работой? — спросил Илья. — Ты говорила, какой-то большой перевод срочный.

— Сдали в понедельник. Пришлось делить с коллегой. Заказчик отправил два несовместимых комплекта, а я не сразу поняла.

— И что, теперь денег меньше дадут?

— Мне — да. Четверть ушла Ирине.

— Обидно.

— Обидно, — согласилась я. — Но она действительно четверть работы сделала. Не платить ей было бы еще хуже.

Он кивнул. И все. Не стал говорить, что я должна была быть внимательнее или что следовало отказаться от заказа. Мы спокойно доели бутерброды, и разговор перешел к тому, сколько еще нужно сделать перед приездом фотографа.

— Тамара тебе писала? — спросил Илья, когда мы убирали посуду.

— Про день рождения Сергея? Да. Я пока не ответила.

— Он пятьдесят пять отмечает, не каждый год такая цифра. Тамара говорит, хочет собрать всех, кто давно знаком.

— «Всех» сейчас звучит довольно сложно.

— Согласен.

Он отнес тарелки к раковине и начал мыть, хотя я предложила сделать это сама. Я осталась вытирать стол и разглядывать выцветший рисунок на клеенке. Сергей с Тамарой приезжали к нам в Ольховку чуть ли не с первого лета. Сергей помогал строить забор, Тамара привозила домашние пироги и ворчала, что у нас слишком мало чашек. Когда-то мы ждали каждого такого приезда. Сейчас я не представляла, как усажусь с ними за один стол, если рядом окажутся Павел и Вера.

— Они знают? — спросила я.

Илья выключил воду.

— Что вы с Павлом теперь живете отдельно? Сергей знает. Про измену тоже. Я говорил с ним, но без подробностей. Не думаю, что Тамара станет тебя расспрашивать.

— Мы с Пашей не просто пожить отдельно решили. Мы подали заявление.

— Знаю. Извини, я не то имел в виду.

Я пожала плечами. Он вытер руки полотенцем и не стал продолжать разговор. Мне показалось, что так лучше: если бы он начал расспрашивать о причинах развода, я могла бы не удержаться и снова завести речь о Вере.

После обеда мы поднялись в маленькую комнату под крышей. Там стоял второй шкаф, сделанный Павлом и Ильей из старых мебельных щитов. Дверцы провисли, и одна не закрывалась без усилия. Илья придержал ее, пока я вынимала коробки.

В последней обнаружилась жестяная банка из-под печенья. Внутри лежали несколько пуговиц, треснувший брелок и круглая картонная медаль на потемневшей ленточке. По краю медали кривыми буквами было выведено: «ЗА ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОГОДЕ».

— Господи, — сказала я. — Ты помнишь это?

Илья взял медаль, повертел в пальцах и засмеялся раньше, чем успел ответить.

Летом две тысячи двенадцатого он обещал детям солнечную субботу. Мы собрались ехать к речке, хотя с утра небо было серым. Илья уверял, что дождь пройдет мимо. Его собственная дочь спросила три раза, нужны ли плащи, но он велел оставить их дома: мол, погода станет отличной к обеду. Мы отошли от участка едва ли на полкилометра, когда начался ливень. Возвращались мокрыми, Антон потерял один тапок, а Вера несла купленные булочки под футболкой.

На следующий день дети устроили церемонию награждения. Лиза прочитала торжественную речь про выдающиеся успехи в прогнозировании, а Антон повесил Илье на шею картонную медаль. Илья тогда поклонился, как перед большой публикой, и пообещал в следующем году заранее заказать погоду получше.

— Это еще хорошо, что они не сохранили тот тапок, — сказала я. — Ты его потом два часа искал.

— Я искал тапок, потому что Антон сказал, что потерял его у воды. А мы к воде даже не дошли. Представляешь, сколько полезного времени я потратил из-за ложной информации?

— Он тогда боялся сказать, что тапок слетел, когда вы бежали к дому.

— Я до сих пор считаю, что это был заговор. Все знали, один я ходил по мокрой траве.

Он осторожно надел медаль себе на шею. Ленточка оказалась коротковата, картон лег на грудь поверх старой куртки. Я увидела его таким, каким помнила в те годы: еще не седым,

всегда занятым каким-нибудь ремонтом и готовым спорить с детьми из-за совершенно пустяковой вещи. Илья сделал серьезное лицо и спросил:

— По вашему мнению, награда все еще действительна?

— Конечно. Но обжаловать ее уже поздно.

— Тогда требую внести в личное дело, что за прошедшие четырнадцать лет прогнозы у меня улучшились.

— Сначала докажи. Сегодня до вечера дождя не будет?

Он подошел к окну, посмотрел на сад, где солнце то появлялось, то пряталось за облаками.

— Вот этого я бы обещать не стал.

Мы засмеялись. Смех быстро стих, но неловкости, которой я ожидала, не последовало. Илья снял медаль и положил обратно в банку. Я закрыла крышку, оставив ленточку внутри, и убрала находку в коробку для детских вещей.

— Не в ту, — сказал Илья.

— Почему? Ее дети делали.

— А награжден я. Это личная собственность лауреата.

— Тогда забирай, — ответила я и передала ему банку.

Он поставил ее к своим инструментам, а я подумала, что дома у него наверняка до сих пор хранятся такие же ненужные, милые вещи. Мы обе семьи много лет собирали их, пока не заполнили ими шкафы и чердаки. Не все можно было выбросить только потому, что дом продается.

К четырем часам мы закончили обе комнаты. На полу стояли подписанные коробки, полки освободились, в шкафах осталось только то, что нужно было обсудить с остальными собственниками, прежде чем убирать. Я сфотографировала результат для риелтора. Илья занес с крыльца инструменты, подмел опилки и проверил, закрываются ли окна. Я собирала пустые пакеты, когда он остановился на пороге комнаты.

— Нина, можно тебя спросить?

— Да.

— Ты пойдешь к Сергею?

Я подняла голову.

— Еще не решила. Не уверена, что меня там очень ждут.

— Тамара два раза мне про тебя говорила. По-моему, ждет.

— Ты сам пойдешь?

— Да. Сергею пятьдесят пять, мы знакомы черт знает сколько лет. Не хочу пропускать его день рождения только потому, что у меня дома не все хорошо.

— Тогда почему спрашиваешь меня?

Он помедлил.

— Мне будет непросто там одному. Не знаю, кто что уже слышал и кто какие вопросы приготовил. С тобой хотя бы не придется делать вид, что все по-прежнему. Но если не хочешь — не надо.

Я сложила пакет в пакет, хотя можно было оставить его на полу. «Мне будет непросто одному» прозвучало совсем не так, как я представляла себе прежнего Илью. Он редко говорил о собственных трудностях. Обычно сообщал, что нужно сделать, и начинал первым.

— А Вера? — спросила я.

— Тамара ее приглашала. Она, кажется, тоже собирается. Мы пока сами не решили, поедем вместе или каждый по-своему.

Вот и все. Он не предлагал мне стать его спутницей. Не обещал сидеть рядом весь вечер. Просто просил присутствовать там, где прежде у каждого из нас было свое привычное место. Мне следовало сказать, что я подумаю, а потом позвонить Тамаре и предупредить ее отдельно.

Но я уже видела Сергея, который непременно полезет обниматься, даже если обстановка неподходящая. Тамару с ее манерой подливать чай человеку, пока тот не закроет чашку ладонью. Илью, которого я сегодня увидела смеющимся над картонной медалью. Мне неожиданно захотелось еще раз побывать среди людей, знавших меня задолго до апреля.

— Я приду, — сказала я. — Только попрошу Тамару не сажать меня рядом с Павлом.

— Скажи ей сама. Она тебя лучше услышит.

— Правильно. Сама скажу.

Илья улыбнулся. Потом спросил, не помочь ли мне донести сумку до остановки. Я отказалась — в ней были всего лишь термокружка, пустой контейнер и рабочие перчатки. Он не настаивал, проводил до калитки и закрыл ее за мной, проверив, не провисает ли рама. Затем повернул ключ в замке.

— Держится, — сказал он с удовлетворением. — Даже на удивление.

— Запиши в список достижений.

— После медали за погоду мне и так все завидуют.

У остановки маршрутки еще не было. Я села на деревянную скамейку и достала телефон. Тамаре ответила сразу: «Спасибо за приглашение. Приду двадцать третьего. Если можно, посадите нас с Павлом за разные концы стола. Не хочу никого ставить в неловкое положение».

Она написала почти мгновенно: «Ниночка, конечно. Я рада, что ты придешь. Об остальном не думай, я разберусь».

Последняя фраза была очень на нее похожа. Раньше я бы с удовольствием предоставила Тамаре решать, кто с кем сядет, кто кого встретит и как пройдет вечер. Теперь мне хотелось хотя бы заранее знать, где будет выход и смогу ли я уехать, когда сочту нужным.

Маршрутка появилась из-за поворота, медленно объезжая яму. Я убрала телефон и поднялась. В сумке звякнула пустая термокружка. Дома меня ждали рабочие письма и длинный список вещей, которые еще нужно забрать из прежней квартиры. В понедельник начинался новый заказ. Я еще раз вспомнила, как Илья смеялся, когда держал в руках медаль, и шагнула к открывшейся двери.

Глава 4. Музыка еще играла

В субботу я проснулась за час до будильника и первым делом подумала, что никуда не пойду. До вечера оставалось достаточно времени, чтобы позвонить Тамаре и придумать уважительную причину. Можно было сослаться на работу, на головную боль или на то, что не хочется портить Сергею праздник. Последнее даже не было бы ложью.

На тумбочке лежал телефон. Еще в четверг Илья написал: «Если хочешь, заеду за тобой. Мне все равно через ваш район». Я ответила согласием, хотя до Кривцовых можно было добраться на автобусе с пересадкой. Позже отправила адрес. Он уточнил, удобно ли будет в половине шестого, и на этом переписка закончилась.

Я могла отказаться от его предложения и теперь. Вызвать такси, приехать самостоятельно, не создавать лишних разговоров. Но за прошедшие две недели я успела несколько раз вспомнить, как мы смеялись на даче над картонной медалью. Мне хотелось еще поговорить с ним. Это желание я себе разрешала, пока не пыталась назвать его точнее.

В шкафу висели два платья, несколько рабочих блузок и брючный костюм, в котором я ездила к заказчикам. Остальные вещи я так и не перевезла из прежней квартиры. Первое платье было темно-синим, с длинными рукавами и жестким поясом. Я надевала его зимой на юбилей Павлова сослуживца и весь вечер жалела, что поела перед выходом. Второе — зеленое, из мягкой ткани, со свободной юбкой. В нем я когда-то ходила с Верой в театр.

Я сняла его с плечиков и сразу вспомнила, как после спектакля мы ждали такси под мокрым снегом. Вера не могла найти билет, чтобы посмотреть фамилию актера, который ей понравился, и уверяла, что обязательно узнает его по голосу. Потом мы обе замерзли, забежали в круглосуточный магазин и купили по горячей булочке. Она съела свою по дороге, а я принесла половину Павлу.

Зеленое платье я все-таки надела. Оно было куплено на мои деньги, нравилось мне и хорошо сидело. Не собиралась больше отказываться от вещей только потому, что рядом с ними сохранились воспоминания о Вере.

Правда, уже перед зеркалом поймала себя на мысли, что Илья никогда не видел меня в этом платье. Или видел и не запомнил. В любом случае я почему-то представляла, как он посмотрит на меня сегодня.

Подарок Сергею я купила в пятницу: толстый альбом со старыми фотографиями Твери. Он любил показывать гостям, где раньше стояли магазины и как выглядела набережная. Раньше мы с Павлом выбирали подарки вместе. Теперь я сама завернула книгу в бумагу и подписала открытку.

В половине шестого телефон коротко завибрировал. «Я во дворе. Не торопись».

Илья ждал возле машины, не сидел за рулем. На нем была светлая рубашка под темной курткой и аккуратные брюки. Он разговаривал по телефону, но, увидев меня, быстро закончил.

— Привет. Я не рано?

— В самый раз. Только подарок тяжелый.

Он взял пакет, заглянул внутрь и уважительно присвистнул.

— Сергей такой альбом на коленях держать будет, пока все не разойдутся. Ты угадала.

— Надеюсь. Если он уже купил себе такой, будем смотреть второй экземпляр.

Илья открыл багажник, устроил мой пакет рядом со своей коробкой и обошел машину. Я заметила, что он посмотрел на мое платье, но ничего не сказал. Почему-то это разочаровало сильнее, чем следовало.

— Не замерзнешь вечером? — спросил он, когда я села.

— Вряд ли. У Тамары дома всегда жарко.

Мы выехали со двора. Дорога была свободной, солнце светило прямо в глаза и мешало смотреть на светофор. Илья опустил козырек, потом рассказал, как на неделе принимал у студентов практическую работу. Один парень принес идеально заполненный отчет, но не смог показать на стенде устройство, которое, согласно отчету, успел разобрать и собрать за одиннадцать минут.

— Я предложил ему повторить опыт, — сказал Илья. — Он попросил два часа и отвертку получше.

— Дал?

— Отвертку дал. С двумя часами сложнее: у меня следующая группа уже под дверью стояла. Договорились на понедельник.

— Он хоть признался, что отчет не его?

— Сказал, что они выполняли работу вдвоем, просто напарник сегодня заболел. Я спросил фамилию напарника. Оказалось, у него очень необычная фамилия — Интернет.

Я рассмеялась. Илья тоже улыбнулся, не отрывая глаз от дороги.

— Зря смеешься, — продолжил он. — Очень способный напарник. Только на занятия не ходит и на экзаменах пропадает.

Раньше за общим столом Илью нередко перебивал Павел, и я почти не слышала рассказов о его работе. Сейчас мне было интересно, как он разговаривает со студентами и сердится ли, когда они не понимают простого.

У светофора он повернулся ко мне и добавил:

— Тебе идет этот цвет.

Загорелся зеленый. Илья тронулся с места, а я посмотрела в боковое зеркало, будто там могла увидеть свое платье целиком.

— Спасибо. Я долго выбирала.

— Зря. По-моему, удачно с первого раза бы получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.